

Е.В. Балацкий

Финансовый университет при Правительстве РФ, ЦЭМИ РАН,
Москва

Синдром аритмии реформ в системе высшего образования¹

В статье рассматривается процесс реформирования российской сферы высшего образования. Показано, что первый этап реформ (1991–2008 гг.) был сопряжен с бездействием регулятора и надуванием образовательного пузыря, который породил бюджетный кризис отрасли и потребовал радикальных методов вмешательства. На втором этапе (2009–2014 гг.) регулятор, пытаясь совладать с образовательным пузырем, спровоцировал коллапс отрасли, чреватый большими социальными издержками. Если для первого этапа было характерно дерегулирование отрасли, то для второго – гиперрегулирование. Показано, к чему привели обе политики. Приведены хрестоматийные примеры искажения университетской среды под воздействием допущенных управленческих ошибок. Обосновывается тезис, в соответствии с которым большие перепады в политике регулирования сферы высшего образования, получившие название синдрома аритмии реформ, не позволяют российским университетам перейти к эффективным стратегиям развития.

Ключевые слова: *высшее образование, университет, реформа, образовательный пузырь.*

Классификация JEL: P210, I280, I230.

1. Введение

Сегодня есть все основания полагать, что сфера высшего образования входит в новую фазу своего существования. Это обстоятельство представляет собой определенную угрозу, в связи с чем порождает повышенный интерес со стороны научного сообщества. Рассмотрению изменений системы высшего образования (СВО) посвящена обширная литература. Например, Т.Л. Клячко делает экскурс по инновациям в СВО России и дает характеристику поведенческих моделей потребителей под воздействием этих инноваций (Клячко, 2007). В частности, автор отмечает такой признак образовательного пузыря, как превышение числа лиц, принятых в вузы, над числом лиц, окончивших школу; данное явление стало заметно уже в 2000 г.

М.К. Горшков и Г.А. Ключарев сделали попытку оценить различные элементы модернизации СВО в контексте мнения разных групп экспертов – чиновников, администраторов вузов, общественности, журналистов и пр. Как оказалось, все основные проблемы, связанные с реформированием СВО, были абсолютно предсказуемы (Горшков, Ключарев, 2011). Однако на определенном этапе диалог между властью и экспертами стал сворачиваться. Данный процесс привел к отрыву реформ от реальных нужд общества, порождая феномен гиперрегулирования, становление которого раскрывается в работе (Бляхер, Бляхер, 2014). Некоторые нерациональные решения Министерства образования и науки (Минобрнауки) РФ по мониторингу вузов были

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-02-00234а).

представлены в широкой прессе М.М. Соколовым (Соколов, 2013а, 2013б).

Несмотря на все сложности и неоднозначные меры реформы СВО, финансирование вузов за последние годы заметно улучшилось. Об этом, в частности, свидетельствует обширное исследование (Романова, Мацкевич, 2012). Согласно другим исследованиям ситуация в сфере высшего образования в последние 20 лет улучшилась, а преподаватели в подавляющем большинстве перестали воспринимать свою работу в качестве постоянного источника стресса и напряжения (Сивак, Юдкевич, 2013). Однако в любом случае до сих пор отсутствует масштабный взгляд на ход реформы СВО в контексте всех предыдущих лет – начиная с 1991 г. Нехватка подобных исследований становится особенно ощутимой в силу того факта, что за прошедшие годы сами реформы радикально изменились и изменили направление действия. Ликвидации указанного аналитического пробела и посвящена данная статья.

Особо отметим следующее обстоятельство: российские реформы СВО беспрецедентны по масштабу и изоционности. В этом смысле их аналоги искать бесполезно. Вместе с тем во всех странах мира стремительно нарастают проблемы в функционировании университетского сектора. Например, в англосаксонской модели постепенно «умирает» институт постоянного (пожизненного) найма. Так, согласно данным Дж. Шустер и М. Финкельштейн с 1969 по 1998 г. число американских профессоров, занимающих постоянные позиции, уменьшилось в 2 раза, тогда как число преподавателей, занимающих временные позиции, не подразумевающие возможности перехода на постоянные, увеличилось в 7 раз (Schuster, Finkelstein, 2006). Н. Барнс и С. О'Хара фиксируют аналогичный тренд в британских университетах (Barnes, O'Hara, 1999). Тем самым администрация вузов пытается переложить системные проблемы университетов на профессоров, параллельно подрывая их творческую мотивацию. В 2013 г. похожие процессы начали развиваться и в России, где все активнее внедряется система краткосрочных контрактов (на 1 год). Некоторые отечественные экономисты пытаются предлагать альтернативные, стимулирующие системы найма университетских профессоров (Сонин, Хованская, Юдкевич, 2009).

Новые тренды можно наблюдать и в европейских государствах. Так, реформы в немецкой СВО в целом имеют корректирующий характер за исключением «Инициативы выделения элитных вузов», которая впервые фактически легализует факт неравенства университетов Германии (Радтке, Бруне-Вавер, 2013). Эта мера во многом напоминает программу российского правительства вхождения пяти российских вузов в топ-100 глобальных рейтингов университетов.

В целом же реформы в западных вузах направлены не на централизованные действия регулятора, а на изыскание резервов во внутрен-

корпоративном управлении самих вузов. Для этого Б. Кларк создал даже специальную теорию постоянных изменений (Кларк, 2011а). В конфигурировании СВО важно учитывать исторические традиции, которым посвящена монография (Кларк, 2011б). Коммерческие соблазны для университетов могут быть очень опасны, поскольку влекут за собой разрушение академических традиций (Бок, 2012). Многие российские вузы уже попали в пресловутую ловушку коммерциализации.

Большой потенциал в реформировании вузовского сектора несет в себе система дистанционного обучения (ДО). Некоторые аналитики утверждают, что мы находимся накануне настоящей революции в сфере образования (Barber, Donnelly, Rizvi, 2013). Даже в России уже есть первые примеры внедрения дистанционных технологий обучения.

Цель настоящего исследования – показать, что многих проблем, которые возникли сегодня у российских вузов, можно было избежать или, по крайней мере, их можно было существенно ослабить. Новизна работы заключается в том, что в ней показаны два принципиально разных исторических этапа регулирования СВО – *дерегулирование*, которое привело к надуванию образовательного пузыря (ОП) и формированию кадрового навеса отрасли, и *гиперрегулирование*, которое спровоцировало обвальное высвобождение кадров из вузов. Если для первого был характерен дефицит регулирующих действий, то для второго – избыток активности регулятора. Результат и в том, и в другом случае оказался неудовлетворительным.

Для нашего отраслевого анализа целесообразно рассмотреть две разновидности регулятора. Первая – *макрорегулятор*, представленный Минобрнауки РФ и Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, вторая – *мегарегулятор*, представленный Администрацией Президента РФ и Аппаратом Правительства РФ. Подчеркнем, что в статье проведен ретроспективный анализ текущих процессов; нормативные установки и рекомендации дальнейшего проектирования реформ в задачи автора не входят.

2. Образовательный пузырь: генезис, специфика, последствия

По всей видимости, 2014 г. можно считать во многих отношениях переломным периодом в жизни сферы высшего образования России. Именно в этот год началось обвальное и, на первый взгляд, беспричинное высвобождение кадров из российских вузов. Масштаб начавшихся процессов оказался таким, что можно смело говорить о кризисе отрасли. Почему он возник? Каковы его причины? Можно ли было его избежать? Был ли он стихийным или рукотворным? Ниже мы попытаемся последовательно ответить на поставленные вопросы с акцентом на тех ошибках регулирования, которые были допущены в ходе реформы отрасли, начиная с момента распада СССР.

Исходным пунктом нашего анализа является образовательный пузырь (ОП), который *в настоящее время стремительно сдувается*. Под ОП мы понимаем колоссальное расширение отрасли за 17 лет экономических реформ в стране – с 1990–1991 по 2007–2008 г. Так, с 1990 по 2008 гг. число вузов увеличилось в 2,2 раза, а численность студентов – в 2,7 раза. Параллельно выросла численность профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов – в 1,9 раза. Данный пузырь хорошо просматривается на основе данных табл. 2, из которой явствует, что кадровый пик отрасли пришелся на 2007 г. При этом частный и государственный секторы развивались не совсем синхронно: если первый приостановил свой рост в 2008 г., то второй – только в 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1

Изменения кадровых показателей России в 1990–2007 гг., %

Показатель	Общий темп	Среднегодовой темп
Численность ППС	90,8	3,9
Численность занятых в экономике	-5,9	-0,4
Численность населения	-3,3	-0,2
Численность учащихся в общеобразовательных организациях	-32,4	-2,3

Источник: рассчитано автором на основе официальных данных Росстата: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/.

Насколько нормальным или, наоборот, ненормальным является такое развитие отрасли высшего образования?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать фон, на котором разворачивалось расширение сферы высшей школы (табл. 1). Анализ показал, что такая динамика должна быть признана аномальной. Во-первых, раздувание штата ППС с почти 4%-ным среднегодовым темпом на протяжении 17 лет подряд неизбежно должно было привести к перегреву отрасли. Столь мощное и длительное расширение отрасли никак не может считаться нормой и должно быть квалифицировано как пузырь. Во-вторых, почти двукратное расширение персонала отрасли является чрезмерным. Практика макроэкономических исследований свидетельствует: любые кратные (более чем в 2 раза) изменения – сигнал *качественной трансформации режима развития*. В данном случае отрасль по численности ППС приблизилась к такой критической отметке, а по числу вузов и численности студентов – превысила ее. Тем самым высшая школа за рассматриваемые 17–18 лет шагнула в принципиально другой мир, к которому была совершенно не готова. В-третьих, расширение университетского сектора протекало на неадекватном кадровом фоне. Так, высокие положительные темпы роста ППС резко контрастировали с уменьшением численности населения страны, занятости и численности школьни-

ков, за счет которых пополнялся студенческий контингент вузов. Тем самым развитие сферы высшего образования шло в разрез с макроэкономическими трендами, свидетельствуя об отрыве отрасли от нужд, возможностей и потребностей страны. В этом смысле можно констатировать, что образовательный пузырь (ОП) не имел под собой активной основы.

Таблица 2

Динамика численности ППС российских вузов

Годы	Численность ППС, тыс. человек			К 2007 г., %
	в государственных вузах	в негосударствен- ных вузах	всего	
1990–1991	219,7	0,0	219,7	52,4
2007–2008	340,4	78,8	419,2	100,0
2008–2009	341,1	63,5	404,6	96,4
2009–2010	342,7	35,1	377,8	90,1
2010–2011	324,8	32,0	356,8	85,1
2011–2012	319,0	29,2	348,2	83,1
2012–2013	312,8	29,2	342,0	81,6

Источник: рассчитано автором на основе официальных данных Росстата за соответствующие годы: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/.

Сказанное подводит нас к пониманию того, что подобное развитие событий с неизбежностью вело к развороту тренда с соответствующим охлаждением отрасли. Расчеты показывают, что начавшееся сжатие ППС в 2007–2012 гг. привело к его сокращению на 18,4%, что соответствовало среднегодовому темпу $-4,0\%$. Этот темп был немного выше темпа расширения предыдущего периода (табл. 1), что позволяет говорить об ускоренном сжатии отрасли по сравнению с расширением. Тем самым налицо признаки катастрофической динамики начавшейся рецессии. Следовательно, кризис системы высшего образования, окончательно обнажившийся в 2014 г., был предопределен всей предысторией надувания соответствующего отраслевого пузыря.

Если же рассматривать генезис образовательного пузыря, то следует признать его рукотворный характер. Раздувание высшей школы было напрямую спровоцировано макрорегулятором – Минобрнауки РФ, которое в начале 1990-х годов приняло, на наш взгляд, *ошибочную политику, основанную на примитивной идее рыночного равновесия*. Согласно этой идее существуют спрос на высшее образование и предложение соответствующих услуг, а рыночные взаимодействия должны привести к уравниванию этих агрегатов через соответствующую плату за обучение. В связи с этим было разрешено создавать частные

образовательные учреждения, а государственным вузам дано право осуществлять набор студентов для платного обучения. При этом вузы получили большую свободу открывать новые кафедры, факультеты, специальности и специализации. В результате страна за несколько лет оказалась завалена экономистами, юристами, социологами, финансистами, менеджерами и прочими «социальщиками», а государственные вузы стали работать в условиях двухканального финансирования. На первый взгляд, такой подход кажется вполне оправданным и разумным, однако это совсем не так.

Ошибка данного подхода заключается в том, что в начале 1990-х годов вся реальная экономика страны была разрушена, а потому никаких сигналов с ее стороны система образования получить не могла. Первоначальный дефицит специалистов социального профиля был ликвидирован, и все вузы оказались в состоянии информационного вакуума и абсолютно дезориентированы в отношении того, кого следует готовить. В таком же состоянии оказались и сами абитуриенты, которые не понимали будущего и не знали степени востребованности разных специальностей на рынке труда. Фактически полуразрушенная экономика привела к разрушению и сферы высшего образования. Отказ от плановой системы производства привел к уничтожению планов подготовки специалистов, а в такой системе эффективное образование просто невозможно. С этого момента российское образование становится преимущественно виртуальным, т.е. оторванным от реальных потребностей национальной экономики.

Второе следствие *либерализации системы образования* состояло в том, что в отсутствие каких-либо ограничений в отношении вузов рано или поздно должно было возникнуть рыночное равновесие, когда все желающие получить высшее образование могли его получить; разница состояла лишь в его качестве, цене и престижности. Это вело к укоренению *синдрома всеобщего высшего образования*.

Расчеты показывают, что Россия за прошедшие годы стала рекордсменом по числу студентов на душу населения. Например, в 2007–2009 гг. в России насчитывалось 52 студента на 1 тыс. человек населения. Это эквивалентно уровню Австралии и чуть меньше уровня Новой Зеландии (58) и США (59). Такие же государства, как Великобритания (39), Франция (36), Швейцария (28) и Япония (28), существенно отстают от России – в 1,3–1,9 раза (Балацкий, 2010)! Если же учесть тот факт, что в Австралии и США доля иностранных студентов составляет около 20%, а в России эта величина пренебрежимо мала (не более 4%), то Россия (50,4) по обеспеченности внутреннего спроса обгоняет и эти страны (41,6 и 47,2) примерно на 21 и 7% соответственно. Такой масштаб подготовки кадров даже теоретически не мог сопровождаться ростом качества образования. Неудивительно, что в отрасли сформировались две разнонаправленные тенденции – количественный рост образования и снижение его качества. Иными

словами, в стране *закрепилось массовое и некачественное образование* и почти полностью исчезло элитное и качественное.

Между тем российская система имела еще один серьезный изъян. Дело в том, что почти абсолютная доступность высшего образования означает *разрушение системы рациионирования* абитуриентов и студентов, когда в вузы принимают не всех претендентов, а только лучших; следовательно, и учатся лишь те студенты, которые соответствуют установленным и довольно высоким требованиям. Отсутствие рациионирования приводит к *эрозии ценности дипломов*, а вместе с этим – и к проблемам на рынке труда.

Отныне работодатель уже не может по диплому даже примерно определить, что можно ожидать от его обладателя. Рынок образования стал работать по простой схеме: более способные и обеспеченные абитуриенты поступали в солидные и престижные вузы, менее способные и бедные – в периферийные институты. При этом и за плату можно было учиться по-разному – на дневной, вечерней и заочной формах обучения. Однако, создав рынок вузов, регулятор сохранил институт *диплома государственного образца* – все аккредитованные вузы выдавали сертификаты, которые одинаково признавались государством, а потому и их различие было весьма условным. В отсутствие объективных рейтингов вузов и рынка их репутации различия в дипломе имели второстепенное значение, ведя к своеобразной *уравниловке*.

Одновременно возникли многочисленные злоупотребления в форме коррупции. Доступность и платность образования вызвала к жизни экзотические и очень опасные явления. Появился такой феномен, как диссертационная ловушка, когда ученые степени и звания можно было приобрести либо за деньги, либо с помощью административного ресурса (Балацкий, 2005). Снижение качества образования стало тотальным и вопиющим; об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные случаи летальных исходов «лечения» в результате неквалифицированной «помощи» врачей.

Прямым результатом образовательного пузыря стал *финансовый кризис* отрасли. Например, доля государственных затрат на высшее образование в ВВП для Франции составляет 5,6%, а для России – 4,1%. Однако при пересчете на показатель обеспеченности населения студентами Франция финансирует свою высшую школу почти в 2 раза лучше России ($[5,6 : 36] / [4,1 : 52] = 1,97$) (Балацкий, 2010). Чтобы финансирование российской высшей школы соответствовало французскому стандарту, необходимо увеличить долю ВВП России, направляемую на образование, до 8%. Такая цифра для России находится за пределами возможного. Неудивительно, что в таких условиях происходило неуклонное снижение заработной платы ППС российских вузов. Так, в период 2005–2010 гг. отношение заработной платы в сфере образования к средней по стране находилось в пределах 63–71%; в 2000 г. этот показатель достиг минимальной отметки – 56%.

В результате таких процессов Россия стала, пожалуй, единственной страной в мире, где заработная плата университетского профессора оказалась в 2–3 раза ниже заработной платы школьного учителя. По крайней мере, в Москве такая ситуация устойчиво сохранялась на протяжении 2008–2014 гг. К 2014 г. произошло окончательное исчезновение нематериальных элементов *академической ренты*, что сделало работу в вузах непривлекательной и бесперспективной (Балацкий, 2014). Такое положение дел привело к кадровой деградации отрасли – кто мог, ушел в другие сектора экономики, а кто остался, тот лишь делал вид, что работает. Возникшая патовая ситуация, длящаяся уже годами, просто не могла не сказаться на качестве образовательных услуг.

У рассматриваемого ОП была еще одна особенность – он имел сугубо *виртуальный (имитационный)* характер с точки зрения экономических результатов. Иными словами, он представлял собой *гигантский симулякр* в том смысле, какой в данное понятие вкладывал Ж. Бодрийяр, т.е. это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. В данном случае процесс *получения образования* был массовым образом заменен процессом *торговли дипломами*. При этом государство подспудно стимулировало такое искажение, вводя различные ограничения на занятие должностей. Причем это касалось как государственных организаций, так и частного сектора. Например, в государственной корпорации «Роснано» почти все низовые должности занимают люди с двумя высшими образованиями – техническим и экономическим; это фактически стало официальным требованием руководства. Классическим примером распространения идеологии образовательного симулякра в частном секторе может служить случай, когда руководство сети фитнес-центров требовало от руководителей этих центров, помимо специального спортивного образования, еще и высшего управленческого образования. В результате таких маневров в стране сложился уникальный *синдром коллекционирования дипломов*, когда многие люди получали по два, три, а то и четыре диплома, что поддерживало сформировавшийся ОП.

Принципиальное отличие ОП от похожих явлений заключается в отсутствии создания каких-либо *ценностей*. Например, ипотечный пузырь сопровождается чрезмерным строительством недвижимости, которая не может быть продана по разумным ценам. Однако даже после того как пузырь здесь лопается, остаются материальные объекты, обладающие реальной стоимостью. Другой пример из сферы услуг – доткомовский пузырь. Однако и в этом случае переоцененные ИТ-компании, несмотря ни на что, создавали *реальный* программный продукт, который решал *конкретные* производственные задачи. В случае же ОП не было даже этого – люди, не получая реальных знаний, приобретали лишь сертификаты о наличии таковых. В результате при сдувании ОП *в экономике не остается ничего* – ни произведенных това-

ров, ни оказанных услуг! В этом смысле можно констатировать: в сформировавшемся ОП была заложена большая разрушительная сила.

3. Период усиления университетов

Если анализировать динамику ОП, то в ней просматривается два этапа. Первый связан с *политикой дерегулирования* отрасли, под которой лежала идеология рыночного равновесия. Однако примерно с 2004 г. стала неявно просматриваться более целенаправленная линия – поддержка университетов. Фактически в это время было принято решение перейти к *университетской модели развития науки*, которая предполагала снижение роли отраслевых и академических институтов. Однако в законченном виде данная позиция проявилась лишь в 2009 г., когда в журнале «Эксперт» была опубликована статья (Гуриев, Ливанов, Северинов, 2009), в которой авторы попытались доказать, что университетский сектор российской науки эффективнее академического. Многие факты позволяют утверждать, что данная работа явилась не обоснованием новой политики, а *запоздалым идеологическим оправданием* той политики, которая де-факто уже проводилась на протяжении нескольких лет. Не случайным выглядит и тот факт, что одним из авторов статьи оказался будущий глава Минобрнауки Д.В. Ливанов.

Примечательно, что в 2010 г. Правительство РФ приняло три постановления – № 218–220 (Постановление Правительства Российской Федерации № 218, 2010; Постановление Правительства Российской Федерации № 219, 2010; Постановление Правительства Российской Федерации № 220, 2010). Эти документы, определяющие выделяемые вузам финансы, окончательно закрепили тот факт, что российская наука должна быть сосредоточена преимущественно в университетском секторе. Именно этот год можно считать *началом второго этапа* в динамике ОП, когда правительство предпринимало отчаянные меры поддержки уже коллапсирующей отрасли. В этот период политика обрела уже ярко выраженную идеологическую направленность, а все регулирующие воздействия были заранее продуманными. С 2012 г. Д.В. Ливанов уже в качестве федерального министра активно занимался дальнейшим реформированием непомерно разросшегося вузовского сектора страны.

Следует указать на одну особенность реализации университетской модели науки (УМН) в России. Она состоит в том, что вузы оказались в *приоритетном положении за счет остальных форм организации науки* – академических и отраслевых (ведомственных) институтов. Например, уже в начале 2000-х годов просматривалась тенденция минимального (по сравнению с «чужими» вузами) финансирования подведомственных институтов своими головными министерствами. Более того, многим подведомственным институтам было *запрещено участвовать* в конкурсах НИР, проводимых министерствами, которым они подчинялись. В результате львиная доля научных бюджетов,

например Минобрнауки РФ и Министерства экономического развития (Минэкономразвития) РФ, получали не обслуживающие их ведомственные институты, а университеты, которые к тому времени имели мощное лобби в правительственных кругах.

Еще более показательным является противопоставление российскими властями вузов и РАН. Выстраивая в стране университетскую модель науки (УМН), правительственные чиновники решили если и не полностью ликвидировать РАН, то, по крайней мере, максимально ее ослабить. Наверное, последний удар по Академии был нанесен Федеральным законом № 253-ФЗ (Федеральный закон Российской Федерации № 253-ФЗ..., 2013). Эксперты считают, что этот документ завершил почти двадцатилетнее противостояние Минобрнауки РФ и РАН (Полтерович, 2014). При этом многие аналитики сходятся во мнении, что главная причина санкций в отношении РАН состояла в оппонировании академическим сообществом правительству и проявлении своей политической и идейной самостоятельности (Полтерович, 2014). Такое поведение плохо вписывалось в строительство жесткой вертикали власти. На этом фоне вузы были гораздо более предпочтительной формой организации науки, так как весь ректорский корпус государственных вузов был полностью подчинен и подотчетен Минобрнауки РФ. В этом смысле университеты представляли собой более управляемые организации, которые по статусу были изначально подчинены либо непосредственно правительству страны, либо какому-либо правительственному ведомству. Иными словами, *вузы были изначально встроены в правительственную вертикаль*, а потому были более лояльными ко всем действиям властей. Таким образом, поддержка ОП осуществлялась посредством жесткой политической акции, направленной на *подавление всех альтернатив университетской науки*.

Нельзя не отметить и того факта, что в научных и публицистических изданиях была основательно раскритикована УМН. Например, в серии работ А.Е. Варшавского был опровергнут тезис о неэффективности РАН по сравнению как с аналогичными зарубежными академиями, так и с отечественными вузами (Варшавский, 2010; Варшавский, 2011; Иванов, Варшавский, Маркусова, 2009). В ряде публикаций было убедительно показано, что даже в США университетский сектор не является ведущим (главным) элементом национальной научной системы (Игнатов, 2012), следовательно, попытки копировать «передовой» опыт являются изначально ошибочными. Были вскрыты и поразительные ошибки в статистике науки (Варшавский, 2010). Некоторые исследователи проявляли озабоченность в отношении того, что галопирующая динамика структурных показателей вузовского сектора российской науки, особенно в 2010–2011 гг., имела явные признаки надувающегося пузыря, ущерб от которого может стать отнюдь не локальным (Гусев, 2013). Были высказаны различные конструктивные предложения по поводу создания университетов на базе академи-

ческих институтов (Полтерович, Фридман, 1998), а также разумной специализации между вузами страны (Игнатов, 2013). Однако ко всем этим фактам и предложениям власти страны остались равнодушными. Складывается впечатление, что регулятор просто не желает слушать какие-либо аргументы в пользу альтернативной политики. Тем самым можно утверждать, что ОП действительно имел в основном *исключительно идеологическую основу*.

Для иллюстрации масштаба и характера *теневых процессов*, вызванных ОП, приведем три примера, не указывая имен персон и названий организаций.

Случай 1. Региональная «фабрика дипломов». Комиссия Минобрнауки РФ, приехавшая инспектировать частный вуз в Северо-Кавказском федеральном округе, обнаружила, что он располагается в здании детского сада. При этом в рабочее время во всем здании была обнаружена только одна комната, в которой велись занятия для группы из шести человек; больше никаких учащихся и преподавателей зафиксировано не было. Однако в данном вузе официально обучалось 15 тыс. студентов. При попытке написать объективный отчет о выявленных нарушениях председатель комиссии был обработан разными людьми, которые ему объяснили, что ректором данного вуза является родная сестра генерального прокурора области. Тем самым областная прокуратура крышевала образовательный бизнес, заключавшийся в откровенной торговле дипломами. Понятно, что рентабельность подобного бизнеса была фантастической, поскольку производственные затраты сводились к минимуму.

Случай 2. Симбиоз частных и государственных вузов. Ректор одного из московских государственных университетов создал собственный частный вуз. При этом в частном вузе специальности были такие же, как и в государственном; программы одинаковых специальностей в двух вузах были абсолютно идентичны, поскольку были просто скопированы с программ государственного вуза. Далее осуществлялся коммерческий набор студентов в частный вуз, в котором обучение не велось, а все дисциплины засчитывались в зависимости от суммы вносимых платежей. После четырехлетнего пребывания в частном вузе студенты переводились в государственный, в котором все дисциплины им автоматически засчитывались; последний год они доучивались в вузе, окончание которого давало им право получать диплом государственного образца престижного университета². Частный вуз, выполнив на протяжении четырех лет свою коммерческую миссию, закрылся, так и не пройдя государственную аккредитацию. Гарантом всех переводов из вуза в вуз выступал ректор, который полностью контролировал обе стороны процесса. Рентабельность подобной операции зашкаливает за все разумные пределы, поскольку затраты на поддержание учебного процесса просто отсутствовали. Главная трудность данного бизнеса состояла в выстраивании логистики процесса – период работы ректора в двух вузах должен совпадать и находиться внутри пятилетнего срока ректорства в государственном вузе.

² Речь идет о специалитете, где обучение длилось 5 лет. Для бакалавриата период пребывания в частном вузе сокращается до 3 лет.

Случай 3. Преодоление фактора ЕГЭ. К ректору московского государственного вуза обращалось множество людей, чьи дети по разным причинам не смогли сдать ЕГЭ (в основном по причине полного отсутствия каких-либо знаний). Такие выпускники школ не имели права быть зачисленными в вуз. Однако решение было найдено – подобные выпускники зачислялись не на первый курс, который предполагает наличие ЕГЭ, а путем перевода на второй, для чего наличие ЕГЭ уже не предусматривается. В ходе учебы таких «клиентов» постоянно прикрывал ректорат, обеспечивая им сдачу необходимых экзаменов. После окончания вуза «клиент» получал диплом, в котором указывались годы его обучения (например, четыре вместо пяти при обучении на специалитете). Этот факт никто не замечал. Если же кто-то интересовался, почему имеется несоответствие, то ответ был простым – первый год учился в другом вузе. Однако при этом диплом о высшем образовании человек получал и формально все нормы были соблюдены. Все возможные правовые коллизии с таким дипломом сбрасывались на держателя диплома. При необходимости выпускник мог получить и «полный» диплом, в котором фигурировала полная дата обучения (пять лет для специалитета). Однако в этом случае цена подобной услуги возрастала, а администрация вуза шла на подлог документов. Эта разновидность бизнеса была менее «чистой», но вполне успешной. Рентабельность такой коммерции довольно высока, но трудоемкость немного выше.

Приведенные примеры иллюстрируют афоризм профессора С.А. Толкачева: «Сегодня студенты платят не за то, чтобы учиться, а за то, чтобы НЕ учиться». Тем самым можно констатировать состоявшуюся аномальную инверсию исходных учебных установок студентов.

4. Коллапс-2014: масштабы, причины, последствия

Осознание правительством страны того, что с надувшимся ОП оно уже не в состоянии справиться, привело к установке на «оптимизацию российских вузов». Эта установка была реализована в два этапа. Первый можно назвать *периодом слияний* вузов. Начало данного этапа можно условно датировать 2010 г., когда произошли наиболее яркие, масштабные и резонансные слияния и поглощения вузов; в последующие 2–3 года этот процесс продолжался.

Идеологическим оправданием начатой политики можно считать выступление «отца образовательных реформ» Я.И. Кузьмина в 2010 г., когда он недвусмысленно высказался за необходимость слияния неэффективных вузов (Кузьмин, 2010). В 2012 г. данный тезис уже прозвучал в устах премьер-министра страны Д.А. Медведева: «У нас, конечно, много университетов для нашей небольшой страны. Их количество должно естественным путем уменьшаться в результате создания на базе существующих университетов крупных университетских комплексов» (цит. по: Яшина, 2012). Дополнением к этому тезису служит следующее мнение премьера: «Улучшить ситуацию в образовании в целом по стране можно только путем создания крупных университет-

ских центров» (Яшина, 2012). Таким образом, был взят курс на укрупнение вузов, который параллельно должен был позволить сократить численность их персонала.

Политика укрупнения вузов была лишь первичным способом их рационарирования. Фактически было принято решение о создании национальных вузов-чемпионов, которые котировались бы на международной арене. Остальные вузы должны были получать поддержку по остаточному принципу. В Указе Президента РФ № 599 от 07.05.2012 были намечены амбициозные задачи (Указ Президента Российской Федерации № 599..., 2012): вхождение к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов; увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем числе публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Web of Science» (WoS), до 2,44%.

Однако уже в 2012 г. становится ясно, что оптимизация вузов – лишь некий организационный фон; сама по себе политика слияний и поглощений проблему ОП не решает. А потому назначенный в 2012 г. новый глава Минобрнауки Д.В. Ливанов подтвердил, что министерство проведет мониторинг всей сети государственных вузов, после чего вузы, предоставляющие образование низкого качества, будут закрыты. При этом речь шла о государственных вузах, за счет которых можно будет уменьшить государственные расходы. По мнению Д.А. Медведева и Д.В. Ливанова, за счет предполагаемого укрупнения вузов должна быть улучшена материальная база оставшихся университетов (Яшина, 2012).

Примечательно, что Д.В. Ливанов еще накануне вступления в должность министра заявил о необходимости вдвое сократить число бюджетных мест в вузах. По его мнению, это поможет повысить качество образования и отсеять студентов, которые учатся лишь для галочки. В ответ на такую позицию были выдвинуты контраргументы. Например, сегодня в России на бюджетной основе учится около 40% студентов, тогда как в Германии – более 90%, во Франции – более 80%. Если следовать логике Д.В. Ливанова, то в России число бюджетников должно быть сокращено до 20% (Яшина, 2012). Однако министр в этом видел не проблему, а стимул развития: «Как только мы уйдем от всеобщего бесплатного высшего образования, появятся механизмы, которые помогут привлечь на предприятия ценные кадры. Например образовательный кредит. Если хорошее образование будет стоить дорого и человек вынужден за него платить, он сможет взять кредит, а будущий работодатель в обмен на обязательства погасит его» (Яшина, 2012).

В это же время позиция властей получает мощную поддержку и апологетику по разным каналам. Например, полномочный представитель президента в Уральском федеральном округе И. Холманских на

встрече с региональной ячейкой движения «В защиту человека труда» в Новом Уренгое 18.06.2012 г. говорил о том, что возникший избыток кадров в высшем образовании никакая экономика выдержать не может, высшее образование – благо, но стране нужны люди рабочих специальностей. По его мнению, родители должны понимать нормальность ситуации, когда их ребенок не получает высшее образование за деньги, а идет работать туда, где работали его родители, не имеющие высшего образования. Похожую позицию обозначил и губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкин, заявив, что регион в ближайшее время будет нуждаться в рабочих определенных специальностей, а не в выпускниках вузов: «Мы не обманываем родителей и говорим о том, что нам в ближайшее время не нужно такое количество детей с высшим образованием» (Яшина, 2012).

Второй этап оптимизации вузов можно назвать *периодом реструкций* и датировать его 2013 г., когда министр Д.В. Ливанов на очередной встрече с ректорским корпусом четко обозначил проблему: на 30% сократить персонал вузов. Серьезность этой установки была выражена категоричной фразой министра: «Мы это все равно сделаем – с вами или без вас». В этот момент федеральная власть дала понять ректорам вузов, что у них нет свободы маневра, и они должны исполнить поставленную перед ними задачу; в противном случае они будут заменены на более послушных администраторов.

Инструментами проведения политики сокращения персонала вузов выступили *контрольные индикаторы* (целевые показатели), которых к 2014 г. насчитывалось уже восемь (7 + 1). Недостижение вузом пороговых значений контрольных индикаторов означает его неэффективность по данной позиции. В 2013 г. начался мониторинг вузов по пяти показателям, впоследствии их число возросло до шести, а потом – до семи. Оценка проходила по следующим критериям:

- 1) образовательная деятельность (средний балл ЕГЭ студентов, принятых на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета (средневзвешенное значение));
- 2) научно-исследовательская деятельность (объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника (НПР));
- 3) международная деятельность (удельный вес численности иностранных студентов, завершивших обучение, в общем выпуске студентов (приведенный контингент));
- 4) финансово-экономическая деятельность (доходы вуза из всех источников в расчете на одного НПР);
- 5) инфраструктура (общая площадь учебно-лабораторных зданий вуза в расчете на одного студента (приведенного контингента)) (Мониторинг деятельности..., 2012);
- 6) уровень безработицы среди выпускников (доля выпускников вуза последнего года выпуска, обратившихся за истекший год в службу занятости в поисках трудоустройства);

7) приведенный (минимальный) контингент студентов (только для филиалов вузов) (численность приведенного контингента студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры).

Критерием неэффективности для вузов было наличие четырех показателей, величина которых не превышает порогового значения.

В научной литературе и СМИ широко обсуждался вопрос о корректности внедренной системы индикаторов. В частности, было показано, что практически все централизованные нормативы являются *ресурсными* и не имеют никакого отношения к *качеству* образовательных услуг. Более того, многие индикаторы диагностируют ситуацию с точностью до наоборот (Балацкий, Екимова, 2014). Помимо этих недостатков экспертами отмечались дополнительные изъяны методики Минобрнауки. Так, она обеспечивала заведомое преимущество некоторых типов вузов перед другими. Например, у сельскохозяйственных вузов площадь лабораторий выше среднего за счет оранжерей и теплиц (Соколов, 2013). Очередным курьезом можно считать отмеченную аналитиками закономерность: если вузы начнут развиваться в направлении, заданном рейтингом Минобрнауки, то они будут удаляться от момента попадания в международные турнирные таблицы. Сюда же следует добавить, что многие показатели эффективности Минобрнауки являются производными от характеристик города или региона; например, возможность взимать плату со студентов или привлекать средства на НИОКР зависят от уровня богатства региона.

И, наконец, вызывает нарекания сама схема отбора вузов. Расчеты показывают, что отдельные университеты, которые имели средние, превышающие средние $2/3$ российских вузов, тем не менее попали в 26% неэффективных, а некоторые «эффективные» оказались хуже 95% всей популяции (Что измерил рейтинг Минобрнауки, 2013). Однако все критические положения были проигнорированы регулятором; лишь в некоторых случаях были сделаны послабления. Например, у региональных филиалов вузов не будет учитываться показатель доли иностранных студентов.

Результаты мониторинга вузов летом 2014 г. оказались откровенно абсурдными. Так, согласно Протоколу Минобрнауки РФ № ДЛ-25/05пр от 3 июня 2014 г. из обследованных 968 вузов и 1356 их филиалов было зафиксировано 58 вузов и филиалов, которые не предоставили информацию о своей деятельности и которые могут смело считаться неэффективными, и 1006 вузов и филиалов, которые выполнили менее четырех контрольных показателей и попали в группу неэффективных (Протокол Минобрнауки..., 2014). Таким образом, простейший расчет показывает, что коэффициент эффективности российской системы высшего образования³ составляет 54,2%, что является нонсенсом, ибо означает, что почти половина всех вузов страны является неэффективными. Следовательно, почти половина

³ Под коэффициентом эффективности в данном случае понимается процентное отношение числа эффективных вузов и филиалов ко всем обследованным вузам и филиалам страны.

всех вузов и филиалов России должна быть ликвидирована. Между тем возможны и другие выводы, а именно: министерская методика оценки эффективности вузов является некорректной и требует замены.

Однако этот ход рассуждений макрорегулятором категорически отвергается, что свидетельствует о его предвзятости и ангажированности. Более того, настораживает явная корреляция между необходимым двукратным сокращением бюджетных мест, о котором говорил Д.В. Ливанов перед вступлением в должность министра, и половиной неэффективных вузов по результатам федерального мониторинга. Складывается впечатление, что макрорегулятор использует свою методику для оправдания выбранного им политического курса на масштабное сокращение университетского сектора. Иными словами, методика Минобрнауки провоцирует движение вузовского сектора в направлении коллапса.

Выдвинутый тезис подтверждается и тем обстоятельством, что пороговые значения контрольных индикаторов Минобрнауки, которые сами по себе были неадекватны, с течением времени еще и повышались, тем самым усложняя вузам успешное прохождение мониторинга (Информационно-аналитические материалы..., 2014). В табл. 3 приведена динамика основных пяти целевых индикаторов, где хорошо видна *деструктивная политика правительства*. Например, вызывает недоумение такой факт, как установление двух показателей для вузов Санкт-Петербурга выше, чем для вузов Москвы. И совершенно неясно, зачем были повышены все финансовые показатели в период времени, который ознаменовался развитием бюджетного кризиса в стране, а все макроэкономические прогнозы говорили о грядущей депрессии или даже рецессии российской экономики. В таких условиях финансовая эффективность вузов никак не могла повышаться. Тем самым регулятор фактически добивал подотчетные ему образовательные организации.

Таблица 3

Динамика пороговых значений целевых индикаторов Минобрнауки РФ

Показатель	Россия		Москва		Санкт-Петербург	
	11.2012	05.2014	11.2012	05.2014	11.2012	05.2014
Средний балл ЕГЭ, баллы	60,0	60,0	63,0	64,5	63,0	66,4
Объем НИОКР на одного НПП, тыс. руб./чел.	50,0	51,3	95,0	136,4	75,0	122,4
Доля иностранных студентов, %	0,7	1,0	3,0	4,0	3,0	4,9
Доходы вуза на одного НПП, тыс. руб./чел.	1,1	1,3	1,5	2,1	1,5	1,8
Площадь зданий вуза на одного студента, кв. м/чел.	11,0	13,9	13,0	14,1	13,0	13,1

Источник: Информационно-аналитические материалы..., 2014.

Таблица 4

Прирост пороговых значений целевых индикаторов
за период 11.2012–05.2014 гг., %

Показатель	Россия	Москва	Санкт-Петербург
Средний балл ЕГЭ, баллы	0,0	2,3	5,4
Объем НИОКР на одного НПП, тыс. руб./чел.	2,6	43,6	63,2
Доля иностранных студентов, %	42,9	33,3	63,3
Доходы вуза на одного НПП, тыс. руб./чел.	18,2	40,0	20,0
Площадь зданий вуза на одного студента, кв. м/чел.	26,4	8,5	0,8
Среднее значение	18,0	25,5	30,5

Источник: рассчитано автором на основе (Информационно-аналитические материалы..., 2014).

Интересно, что стабильным остался только один индикатор для региональных вузов; для столичных университетов повысились все показатели. Однакостораживает сам масштаб корректировок пороговых значений индикаторов, который представлен в табл. 4. Среднее повышение индикаторов по всей выборке составило 24,7%, что нарушает все постулаты теории реформ (Полтерович, 2007). Столь резкие скачки управляющих параметров всего за полтора года просто недопустимы. Что же касается роста почти на 2/3 двух целевых показателей для вузов Санкт-Петербурга, то этот факт вообще находится за рамками какой-либо критики. В целом же, как оказывается, меры регулятора имели откровенно *шоковый* характер, не давая вузам времени на элементарную *адаптацию* к принятой системе оценки.

5. Параметр заработной платы в «дорожной карте» Правительства РФ

В распоряжении Правительства РФ № 2620-р от 30 декабря 2012 г., в котором была зафиксирована «дорожная карта», предусматривается беспрецедентный норматив: в 2018 г. отношение средней заработной платы ППС образовательных организаций высшего образования к средней заработной плате в соответствующем регионе должно составлять 200% (Распоряжение Правительства РФ № 2620-р..., 2013). Данная мера заслуживает особого рассмотрения. С одной стороны, она должна была исправить бедственное материальное положение российской профессуры, с другой стороны, – поддержка ППС вузов в такой форме несет в себе огромный разрушительный заряд. Рассмотрим этот показатель подробнее.

Во-первых, двукратное превышение заработной платы ППС над средней по региону с макроэкономической точки зрения является немислимым. Дело в том, что, как мы упоминали выше, кратные разрывы в макропропорциях, как правило, разрушительны для экономики. Планируемая пропорция оплаты скорее всего просто-напросто

не будет выполнена в силу ее нереалистичности. Проиллюстрируем сказанное на примере Москвы. Если бы в 2014 г. столичный ППС равнялся заработной плате в 200% средней по региону (около 60 тыс. руб.), это составило бы среднемесячный оклад примерно в 120 тыс. руб. При этом профессор должен был бы получать еще больше – порядка 150–160 тыс. руб. И такая заработная плата должна стать нормой для всех московских вузов! Совершенно очевидно, что никакой представитель ППС просто не в состоянии отработать подобную заработную плату.

Во-вторых, начальные условия предполагают чрезмерную скорость предполагаемых изменений в пропорциях оплаты труда. Так, на начало 2013 г. во многих московских вузах заработная плата ППС составляла примерно 50% средней заработной платы по региону, тогда как в 2018 г. она уже должна выйти на уровень в 200%. Это означает, что меньше чем за шесть лет пропорция должна измениться в четыре раза, что является запредельным требованием. Разумеется, такое ралли можно осуществить лишь под чудовищным административным нажимом, однако последствия этого будут однозначно плачевными.

В-третьих, сам по себе рассматриваемый норматив совершенно недостаточен для эффективного регулирования оплаты труда в вузе. Эксперты неоднократно указывали на то, что заработную плату ППС надо считать определенным образом, т.е. учитывая номинальный оклад, а не все выплаты, которые могут быть достигнуты посредством повышенной нагрузки на преподавателя по разным направлениям деятельности (Балашов, 2014). Кроме того, фиксировать следует не только и не столько средний оклад ППС, сколько его минимальный размер, а также пропорции в затратах на оплату труда ППС и вспомогательного персонала вуза (Балацкий, 2014б).

В-четвертых, резкое увеличение зарплаты ППС при сложившейся примитивной системе университетского управления ведет к автоматическим репрессиям в отношении преподавателей. Руководство вуза переходит к жесткой политике отбивания денег, выплачиваемых ППС, и возлагает на преподавателей такую нагрузку и столько разных обязательств, что это, как правило, оказывается не только за пределами разумного, но и за пределами физических возможностей сотрудников. Перегрузка преподавателей позволяет сократить их численность. На практике это выливается в своеобразные кадровые репрессии, когда администрация действует по принципу: за такие деньги вы должны делать все, а кто не хочет или не может, тот уходит. Иными словами, введение «норматива заработных плат» служит спусковым крючком для кадрового коллапса отрасли. При этом оставшиеся сотрудники, подвергаясь жесткой эксплуатации, попадают в условия своеобразного университетского рабства.

На наш взгляд, совмещение методики мониторинга вузов с нормативом заработной платы для ППС выступили непосредственными инструментами обрушения отрасли. Фактически регулятор после дли-

тельного периода дерегулирования внезапно перешел к предельно жесткой и примитивной форме управления в виде административного давления нормативами сверху под страхом закрытия организации. Уже сейчас ясно, что начавшийся коллапс отрасли будет чрезвычайно болезненным. Дело в том, что выброс на рынок труда огромной массы преподавателей, которые в большинстве своем не обладают практическими навыками работы в реальном секторе экономики, означает их последующую хроническую безработицу и люмпенизацию. Последствия такого процесса остаются под вопросом – неясно, смогут они найти работу или нет.

К сказанному можно добавить, что в 2014 г. идеологическая установка макрорегулятора на сокращение СВО выплеснулась в открытой форме. Рособнадзор вместо безоглядной задачи аккредитаций с лицензиями, присущей периоду дерегулирования, стал закрывать набор студентов в вузы, не имеющие условий для нормального обучения. Окончательно в общий список вузов, к которым была применена данная мера, вошли 17 образовательных организаций. В их число попал Институт практического востоковедения, который рекомендовал себя с самых лучших позиций. Скандальный случай приобрел огласку и стал примером неэффективных санкций государства (Лемуткина, 2014). Тем самым *макрорегулятор начал допускать фатальные ошибки.*

Для иллюстрации масштаба и особенностей начавшегося коллапса сферы высшего образования приведем несколько примеров.

Случай 1. Оптимизация Государственного университета управления (ГУУ).

Назначенный в 2013 г. исполняющим обязанности ректора ГУУ В.В. Годин активно включился в гонку за обеспечение «хороших» показателей эффективности вуза. Проведенная чистка ППС привела к тому, что уже осенью 2013 г. его численность уменьшилась с 1050 до 781 человек. Однако это был первый этап оптимизации, за ним весной 2014 г. последовал второй этап, который подразумевал уже массовые увольнения людей. Однако сделать это без возникновения правовых коллизий было довольно сложно. Одна из первых акций ректората состояла в тотальной реструктуризации вуза. Для проведения такой реструктуризации необходимо было сначала уволить всех сотрудников, а потом снова нанять гораздо меньшее их число. В результате уведомление о сокращении получили более 900 человек, а конкурс на появившиеся в связи с этим места был объявлен на 370 человек. Если учесть, что среди сокращенных и вакантных рабочих мест имелись должности вспомогательного персонала, то численность вновь нанятых ППС составляла примерно 300 человек. Тем самым администрация вуза планировала одноразовое сокращение ППС в 2,6 раза; в течение одного года численность ППС должна была уменьшиться в 3,5 раза. Если же взять в качестве точки отсчета 2004 г., когда численность ППС ГУУ составляла 1235 чел., то сокращение за 10 лет превышало отметку в 4,1 раза. Даже с самых либеральных позиций четырехкратное сокращение персонала организации является аномальным и должно трактоваться как откровенный коллапс.

Впоследствии руководство ГУУ отказалось от массовой реструктуризации, но не отказалось от масштаба намеченных сокращений. Оно пошло по пути наименьшего сопротивления и стало проводить в жизнь самую примитивную и нелепую политику – сокращать прежде всего тех сотрудников, у которых к означенному моменту истек срок действия трудового соглашения. Это не влекло никаких правовых осложнений для университета, однако среди увольняемых оказались самые продуктивные и работоспособные сотрудники. Для многих кафедр потеря таких преподавателей была катастрофой, однако ректорат этот аспект проблемы не беспокоил. Параллельно происходило слияние кафедр, многие из которых ликвидировали опять-таки по принципу размера кафедры, т.е. небольшие кафедры с численностью менее 10 человек подлежали автоматическому закрытию. Такая политика привела к тому, что сотрудники увольнялись без учета их личных заслуг и профессиональных достижений. Тем самым помимо *количественного коллапса* университет обеспечил сам себе еще и *качественную деградацию* ППС.

Следует отметить, что рост заработной платы ППС вызывает ускоренное сокращение численности ППС. Для грубой оценки этого эффекта воспользуемся скорректированным коэффициентом эластичности занятости по заработной плате: $E = (L_{2013} / L_{2018}) / (W_{2018} / W_{2013})$, где L – численность ППС, W – относительная заработная плата ППС (к средней по региону). Расчет показывает, что даже если в ГУУ останется 370 человек ППС и больше сокращений не будет, то $E = 2,11 / 1,82 = 1,16$ ($E > 1$), т.е. рост зарплаты на 1% ведет к сокращению ППС на 1,16%. Если рассмотреть период 2013–2014 гг., то получим $E = 1,87$, т.е. имеет место почти двойное ускорение высвобождаемого ППС относительно роста заработной платы. Следовательно, последствия роста зарплаток ППС, намеченные «дорожной картой» Правительства РФ, ведут к непропорционально большому сокращению штатов российских университетов.

Заметим, что рассмотренный эффект характерен не только для ГУУ; в других вузах наблюдалось нечто похожее, но с некоторыми модификациями. Например, в Российском государственном социальном университете (РГСУ) ежегодно производилось сокращение персонала на 15%, что сильно опережало рост зарплаток ППС.

Случай 2. Перерождение профессоров в учителей. Рассмотренное в предыдущем примере ускоренное сокращение штатов сопровождается ускоренным ростом аудиторной нагрузки преподавателей. Так, в ГУУ рост таковой осенью 2014 г. по сравнению с весной 2014 г. составляет 2,5 раза (с 220 до 550 часов в год), тогда как рост заработной платы не может превышать двух раз. При этом в нагрузку включаются только часы по бакалавриату, которые считаются основными; все часы, отработанные на заочном отделении, в магистратуре и прочих формах обучения, не учитываются и представляют собой дополнительную нагрузку, оплачиваемую сверх норматива; не включаются в основную нагрузку и такие формы занятости преподавателей, как экзамен, руководство дипломными проектами и т.п. Однако с учетом дополнительных часов итоговая нагрузка возрастает еще, как минимум, на 20–30%. Тем самым рост общей нагрузки ППС увеличивается примерно в 3,1 раза. Подчеркнем, что это было однократно.

вое увеличение, но можно предположить, что в дальнейшем оно в той или иной мере будет повторяться.

Следует отметить, что указанная нагрузка эквивалента 18–20-часовой недельной нагрузке. Это означает, что преподаватель должен 3–4 дня работать по 2–3 пары. Такой режим уже больше похож на режим работы школьного учителя, а не профессора университета. Пример ГУУ не является уникальным. Для примера – в 2014 г. в Российском государственном университете физкультуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФСМП) полставки доцента предполагали 12 часов в неделю, т.е. полная ставка составляла 24 часа в неделю. Однако прямолинейный рост часовой нагрузки сопряжен с еще одним эффектом – увеличением числа читаемых дисциплин. Нормальным считается чтение 2–3 дисциплин, однако кратное возрастание этого числа уже становится запредельным. Чтение 5–6 предметов чревато полной потерей качества преподавания. Между тем сегодня есть кафедры, где сотрудники вынуждены читать еще большее число курсов. Так, в РГСУ на одной из кафедр полная ставка профессора предполагает чтение 9–10 разных дисциплин (!). Даже если под эти дисциплины отведено немного часов, это все равно представляет собой большую проблему для лектора и чрезмерную нагрузку на его память. Тем самым и здесь просматривается нелинейный эффект от регулирующего воздействия.

Случай 3. Необъявленная помощь регулятора уволенным сотрудникам.

По всей видимости, статистические данные об истинных масштабах коллапса сферы высшего образования будут доступны только через несколько лет. Однако уже сегодня есть недвусмысленные указания на серьезность ситуации. Так, летом 2014 г. Минобрнауки организовало «горячую линию» по вопросам трудоустройства высвобождаемых научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования. Консультанты ведомства отвечали на вопросы в рабочие дни с 9:00 до 16:00 по телефону, указанному на сайте Минобрнауки (Минобрнауки России открывает «горячую линию»..., 2014). При этом данная акция была проведена настолько тихо, что ее заметили только специалисты и заинтересованные лица. При этом настораживает отсутствие какой-либо информации о работе «горячей линии». Это молчание особенно контрастирует по сравнению с другой аналогичной акцией Минобрнауки – «Горячей линией помощи студентам», которая посвящена вопросам интеграции системы высшего образования Крыма и Севастополя в российскую среду. В отношении этой линии есть сведения и об общем числе звонков, и о динамике средней ежедневной загруженности линии, и об основных задаваемых вопросах, и т.п. Данные факты свидетельствуют о колоссальном масштабе увольнения ППС по всей стране. Однако регулятор, не имея возможности не реагировать на возникшую ситуацию, всячески старался замалчивать ее.

Сказанное выше подводит к выводу, что макрорегулятор в ходе реформы системы высшего образования допустил грубую ошибку, не учтя факторы нелинейности и асимметричности, которым большое внимание уделено в работе (Талев, 2014). Выбрав политику активных действий, Минобрнауки стало допускать ошибки. Установив же чрез-

мерно высокие показатели и продолжая их повышать, оно загнало систему в зону повышенных рисков, где цена ошибка начинает стремительно возрастать. В результате начавшееся еще в 2008 г. сдувание ОП ускорилося и в 2014 г. приняло характер стихийного бедствия.

6. Общая характеристика реформ

Анализ действий регулятора позволяет говорить о феномене *аритмии реформ*. Если на первом этапе, вплоть до 2008 г., наблюдалось своеобразное безразличие регулятора к происходящим процессам, что позволило надуться ОП, то на втором этапе регулятор стал проявлять излишнюю активность, которая породила хаос в университетской среде. Тем самым на начальном этапе имела место классическая *ошибка отложенных реформ*; причина задержки состояла, по всей видимости, в отсутствии группы давления, заинтересованной в построении качественного высшего образования (Дрэйзен, 1995).

Некоторые эксперты объясняют такой странный цикл активности реформаторов спецификой исполнительной власти страны. Так, для политики Минобрнауки РФ как главного макрорегулятора сферы высшего образования характерно полное отсутствие инициативы; многие эксперты полагают, что из министерства не исходит ни одной идеи. Эта пассивность и была в основе вялого вмешательства на первом этапе реформ. Когда же ситуация зашла в тупик и это стало очевидно, то жесткие инициативы стали генерироваться мегарегулятором – Аппаратом Правительства РФ и Администрацией Президента РФ. Эти структуры власти, наоборот, отличаются авторитарностью, требовательностью и последовательностью в реализации выбранной стратегии. Именно ими и была спровоцирована регулятивная активность второго периода реформ.

Если же проводить более полный анализ реформ, можно увидеть принципиальные ошибки буквально по всем пунктам. Так, было неправильно выбрано *начало реформ* и активных действий регулятора, в результате чего было допущено надувание ОП. Было сделано множество ошибок при выборе *направления реформы*. В частности, делались усилия по расширению предложения образования, но при этом полностью игнорировалась проблема его рациионирования. И, конечно, были допущены грубые ошибки в выборе *скорости реформ*. Результатом этого стала колоссальная волатильность регулирующих параметров в 2012–2014 гг. и коллапс отрасли.

Надо сказать, что поразительная жесткость и бескомпромиссность макрорегулятора в отношении закрытия и санации неэффективных вузов подкреплялась и внутренними процессами Минобрнауки. Например, сотрудники министерства отмечают такой факт: за период времени 2012–2013 гг. численность Международного департамента Минобрнауки РФ сократилась в 2 раза. Если же подразделения макрорегулятора подвержены такому коллапсу, то похожие процессы в вузах

уже не могут вызывать удивления. Можно сказать, что требованиями к сокращениям оказались пропитаны все сотрудники макрорегулятора. Любопытно и другое – реформирование российской системы вузов в определенной степени отдано на аутсорсинг. Например, многие идеологические положения вносятся в Правительство РФ и Минобрнауки ректорами вузов, в частности ректором Высшей школы экономики (ВШЭ); после одобрения и принятия принципиальных положений они отдаются на доработку той же ВШЭ на конкурсной основе. Таким образом, один из парадоксов реформы СВО состоит в том, что отчасти эти реформы являются творением рук самих вузов.

К настоящему времени назрела потребность *радикального пересмотра программы реформ в сфере высшего образования*. Теоретические основы для такой работы есть. Вопрос состоит лишь в степени гибкости нынешнего мегарегулятора, который должен быть в состоянии отказаться от старой доктрины.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В.** (2005). Диссертационная ловушка // *Свободная мысль – XXI*. № 2. С. 92–104.
- Балацкий Е.В.** (2010). Проблема рационарования высшего образования // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 8. С. 145–147.
- Балацкий Е.В.** (2014а). Истощение академической ренты // *Мир России*. № 3. С. 150–174.
- Балацкий Е.В.** (2014б). Эффективность управления российскими университетами: коллизии и эксцессы // *Общество и экономика*. № 5. С. 146–164.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А.** (2014). Академическая результативность высших экономических школ России // *Terra Economicus*. Т. 12. № 1. С. 13–27.
- Балашов М.В.** (2014). Физтех, топ-100 и карго-культ // *Троицкий вариант*. № 12(156). С. 10–11.
- Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л.** (2014). Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния // *Российская политика*. № 1(72). С. 22–46.
- Бок Д.** (2012). Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Варшавский А.Е.** (2010). Проблемы науки: РАН и вузы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 8. С. 158–161.
- Варшавский А.Е.** (2011). Проблемы науки и ее результативность // *Вопросы экономики*. № 1. С. 151–157.
- Горшков М.К., Ключарев Г.А.** (2011). Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: Институт социологии РАН, ФГНУ ЦСИ.
- Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К.** (2009). Шесть мифов Академии наук. [Электронный ресурс] // *Эксперт*. № 48(685). Режим доступа: http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).

- Гусев А.Б.** (2013). Университетская наука в России: перенос западной модели и риски перспективного развития. [Электронный ресурс] // *Капитал страны*. 22 ноября. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239474>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Дрэйзен А.** (1995). Почему откладываются реформы (теоретический анализ) // *Экономика и математические методы*. Т. 31. № 3. С. 63–75.
- Иванов В.В., Варшавский А.Е., Маркусова В.А.** (2009). Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) // *Вестник РАН*. № 6. С. 483–491.
- Игнатов И.И.** (2012). Университетский сектор США и российские реформы в сфере науки и высшего образования. [Электронный ресурс] // *Капитал страны*. 29 ноября. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/219702/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Игнатов И.И.** (2013). Можно ли «оздоровить» российскую вузовскую систему? [Электронный ресурс] // *Капитал страны*. 27 ноября. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239674>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования (2014). [Электронный ресурс] Сайт Министерства образования и науки РФ. Режим доступа: <http://miccedu.ru/monitoring/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Кларк Б.Р.** (2011а). Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Кларк Б.Р.** (2011б). Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Клячко Т.Л.** (2007). Высшее образование в России: доступность, стоимость, мотивация // *Экономика образования*. № 4. С. 15–22.
- Кузьминов Я.** (2010). За десять лет мы обязаны сформировать новый корпус преподавателей. [Электронный ресурс] // *РБК daily*. 4 августа. Режим доступа: <http://www.zavuch.ru/news/3991/#sthash.swh9oulA.dpbs>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Лемуткина М.** (2014). Институту не разрешили набирать студентов. [Электронный ресурс] // *MK.RU*. 25 июля. Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2014/07/25/institutu-ne-razreshili-nabirat-studentov.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Минобрнауки России открывает «горячую линию» по вопросам трудоустройства высвобождаемых научно-педагогических работников вузов (2014). [Электронный ресурс] Сайт Министерства образования и науки РФ. 06.06.2014 г. Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D1%81/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/4223>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).

- Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования (2012). М.: Министерство образования и науки РФ.
- Полтерович В.М.** (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Полтерович В.М.** (2014). Реформа РАН: экспертный анализ. Статья 1. Реформа РАН: проект Минобрнауки // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5–28.
- Полтерович В.М., Фридман А.А.** (1998). Экономическая наука и экономическое образование в России: проблема интеграции // *Экономическая наука современной России*. № 2. С. 112–122.
- Постановление Правительства Российской Федерации № 218 от 9 апреля 2010 г. (2010). О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства. [Электронный ресурс] // *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 5160. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/04/16/pravila-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Постановление Правительства Российской Федерации № 219 от 9 апреля 2010 г. (2010). О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. [Электронный ресурс] // *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 5160. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/04/16/gospodderzhka-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Постановление Правительства Российской Федерации № 220 от 9 апреля 2010 г. (2010). О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования. [Электронный ресурс] // *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 5160. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/04/16/grant-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Протокол заседания межведомственной комиссии по проведению мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования от 3 июня 2014 г. № ДЛ-25/05пр (2014). [Электронный ресурс] Сайт Министерства образования и науки РФ. 11.06.2014 г. Режим доступа: <http://xn--80abucjiiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/4232>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Радтке У., Бруне-Вавер С.** (2013). Дифференциация вузовского ландшафта в Германии после введения «Инициативы по выделению элитных вузов»: итоги и перспективы. [Электронный ресурс] Университетский альянс Бохум–Дортмунд–Дуйсбург–Эссен. Режим доступа: http://www.congruhg.ru/pdf/1/vortrag_radtke_rus_web.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Распоряжение Правительства РФ № 2620-р от 30 декабря 2012 г. (2013). Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения

в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». [Электронный ресурс] // *Гарант*. 11 января. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).

- Романова В.В., Мацкевич А.В.** (2012). Показатели бюджетных расходов в сфере образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Сивак Е.В., Юдкевич М.М.** (2013). Академическая профессия в сравнительной перспективе: 1992–2012 // *Форсайт*. Т. 7. № 3. С. 38–47.
- Сонин А.К., Хованская И.А., Юдкевич М.М.** (2009). Построение исследовательского университета: структура финансирования и условия найма профессоров // *Экономика образования*. № 3. Часть 1. С. 69–77.
- Талёб Н.Н.** (2014). Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Соколов М.** (2013а). Физиология рейтинга. [Электронный ресурс] // *Полит.ру*. 25 мая. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/05/25/ranking/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Соколов М.** (2013б). Что измерил рейтинг Минобрнауки? Статистический анализ. [Электронный ресурс] // *Полит.ру*. 24.05.2013. Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/05/24/rossiyskie_reitingy/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Указ Президента Российской Федерации № 599 от 7 мая 2012 г. (2012). О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки. [Электронный ресурс] // *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 5775. 09.05.2012 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/pauka-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Федеральный закон Российской Федерации № 253-ФЗ от 27 сентября 2013 г. (2013). О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. [Электронный ресурс] // *Российская газета*. Федеральный выпуск № 6194. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/27/gan-site-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Яшина Г.А.** (2012). С высшим образованием пора завязывать. [Электронный ресурс] // *Капитал страны*. 28 июня. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/lite/larticle/20>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: ноябрь 2014 г.).
- Barber M., Donnelly K., Rizvi S.** (2013). *An Avalanche is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead*. L.: The Institute for Public Policy Research. March.
- Barnes N., O'Hara S.** (1999). *Managing Academics on Short-Term Contracts* // *Higher Education Quarterly*. Vol. 53. No. 3. P. 229–239.
- Schuster J., Finkelstein M.** (2006). *The American Faculty*. Baltimore: John Hopkins University Press.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Balashov M.V.** (2014). Moscow Physics and Technology Institute, the Top-100 and the Cargo-cult. *Troitskiy Variant* 12(156), 10–11 (in Russian).
- Balatsky E.V.** (2005). Dissertation Trap. *Svobodnaya mysl' – XXI* 2, 92–104 (in Russian).
- Balatsky E.V.** (2010). The Problem of Rationing the Higher Education. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* 8, 145–147 (in Russian).
- Balatsky E.V.** (2014a). Depletion of Academic Rent. *Mir Rossii* 3, 150–174 (in Russian).
- Balatsky E.V.** (2014b). Effectiveness of Management in Russian Universities: Collisions and Excesses. *Obshchestvo i ekonomika* 5, 146–164 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A.** (2014). The Academic Performance of Russian Higher Economic Schools. *Terra Economicus* 12(1), 13–27 (in Russian).
- Barber M., Donnelly K., Rizvi S.** (2013). An Avalanche is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead. L.: The Institute for Public Policy Research. March.
- Barnes N., O'Hara S.** (1999). Managing Academics on Short-Term Contracts. *Higher Education Quarterly* 53(3), 229–239.
- Bliakher L.E., Bliakher M.L.** (2014). Mythology of Management. Policy of the Ministry vs. Policy of Universities: the Dynamics of Confrontation. *Rossiyskaya politiya* 1(72), 22–46 (in Russian).
- Bok D.** (2012). Universities in the Market-Place. The Commercialization of Higher Education. M.: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).
- Clark B.R.** (2011a). Sustaining Change in Universities. Continuities in Case Studies and Concepts. M.: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).
- Clark B.R.** (2011b). The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective. M.: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation № 599 on May 7, 2012 (2012). On Measures for Implementation of the State Policy in Education and Science. *Rossiyskaya Gazeta*. Federal Issue 5775. May 9. Available at: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (accessed: November 2014, in Russian).
- Drazen A.** (1995). Why Reforms Delay (Theoretical Analysis). *Ekonomika i matematicheskie metody* 31(3), 63–75 (in Russian).
- Federal Law of the Russian Federation № 253-FZ Dated 27 September 2013 (2013). On the Russian Academy of Sciences, the Reorganization of the State Academies of Sciences and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. *Rossiyskaya Gazeta*. Federal Issue 6194. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/27/ran-site-dok.html> (accessed: November 2014, in Russian).
- Gorshkov M.K., Kliucharev G.A.** (2011). Continuing Education in the Context of the Modernization. M.: Institute of Sociology, RAS, FGNU CSI (in Russian).
- Guriev S., Livanov D., Severinov K.** (2009). Six Myths of the Academy of Sciences. *Ekspert* 48(685). Available at: http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk/ (accessed: November 2014, in Russian).

- Gusev A.B.** (2013). University Science in Russia: the Transfer of the Western Model and Risks of Long-term Development. *Kapital strany* November 22. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239474> (accessed: November 2014, in Russian).
- Ignatov I.I.** (2012). University Sector of United States and Russian Reforms in Science and Higher Education. *Kapital strany* November 29. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/219702/> (accessed: November 2014, in Russian).
- Ignatov I.I.** (2013). Is it Possible to “Improve” the Russian Higher Educational System? *Kapital strany* November 27. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/239674> (accessed: November 2014, in Russian).
- Information and Analysis Materials About the Effectiveness of Institutions in Higher Education. Website of the Ministry of Education and Science, Russian Federation (2014). Available at: <http://miccedu.ru/monitoring/> (accessed: November 2014, in Russian).
- Ivanov V.V., Varshavsky A.E., Markusova V.A.** (2009). Bibliometric Indicators of Russian Science and Russian Academy of Sciences (1997–2007). *Vestnik RAN* 6, 483–491 (in Russian).
- Kliachko T.L.** (2007). Higher Education in Russia: Availability, Price, Motivation. *Ekonomika obrazovaniya* 4, 15–22 (in Russian).
- Kuzminov Ya.** (2010). For Ten Years, We Must Form a New Body of Teachers. *RBK daily* August 4. Available at: <http://www.zavuch.ru/news/3991/#sthash.swh9oulA.dpbs> (accessed: November 2014, in Russian).
- Lemutkina M.** (2014). Institute Was Not Allowed to Recruit Students. *MK.RU*. July 25. Available at: <http://www.mk.ru/social/2014/07/25/institutu-ne-razreshili-nabirat-studentov.html> (accessed: November 2014, in Russian).
- Monitor of the Activities of the Federal Institutions of Higher Education (2012). M.: Ministry of Education and Science, Russian Federation (in Russian).
- Polterovich V.M.** (2007). Elements of Reform’s Theory. M.: Economics (in Russian).
- Polterovich V.M.** (2014). Reform of the RAS: Expert Analysis. Article 1: Reform of RAS: Project of the Ministry of Education. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* 1, 5–28 (in Russian).
- Polterovich V.M., Fridman A.A.** (1998). Economics and Economic Education in Russia: Problem of Integration. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* 2, 112–122 (in Russian).
- Protocol of the Ministry of Education and Science, Russian Federation, № DL-25/05pr from 06/03/2014 (2014). Meeting of the Interdepartmental Commission for Monitoring the Effectiveness of Institutions of Higher Education. Website of the Ministry of Education and Science, Russian Federation. June 11. Available at: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/4232> (accessed: November 2014, in Russian).
- Radtke U., Brune-Vaver S.** (2013). Differentiation of University Landscape in Germany after the Introduction of the “Initiative on Allocation of

- Elite Universities”: Results and Prospects. University Alliance Bochum–Dortmund–Duisburg–Essen. Available at: http://www.conruhr.ru/pdf/1/vortrag_radtke_rus_web.pdf (accessed: November 2014, in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 218 on April 9 2010 (2010). On Measures of State Support for the Development of Cooperation of Russian Higher Education Institutions and Organizations Implementing Complex Projects for High-Tech Production. *Rossiyskaya Gazeta*. Federal Issue 5160. Available at: <http://www.rg.ru/2010/04/16/pravila-dok.html> (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 219 on April 9, 2010 (2010). On State Support of Innovation Infrastructure in the Federal Institutions of Higher Education. *Rossiyskaya Gazeta*. Federal Issue 5160. Available at: <http://www.rg.ru/2010/04/16/gospodderzhka-dok.html> (accessed: November 2014, in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 220 on April 9, 2010 (2010). On Measures to Attract Leading Scientists at Russian Institutions of Higher Education. *Rossiyskaya Gazeta*. Federal Issue 5160. Available at: <http://www.rg.ru/2010/04/16/grant-dok.html> (accessed: November 2014, in Russian).
- RF Government Order of 30 December 2012 № 2620-r (2013). On Approval of the Plan (“Roadmap”) “Changes in the Social Sectors, to Improve the Effectiveness of Education and Science”. *Garant* January 11. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/> (accessed: November 2014, in Russian).
- Romanova V.V., Mackevich A.V.** (2012). Indicators of Budget Expenditures in Education. M.: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).
- Russian Ministry of Education Opens the Hotline on Employment Released Academic Staff of Universities (2014). Website of the Ministry of Education and Science, Russian Federation. June 6. Available at: <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D1%81/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/4223> (accessed: November 2014, in Russian).
- Schuster J., Finkelstein M.** (2006). *The American Faculty*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Sivak E.V., Udkevich M.M.** (2013). Academic Profession in Comparative Perspective: 1992–2012. *Forsyht* 7(3), 38–47 (in Russian).
- Sokolov M.** (2013 a). Physiology of Ranking. *Polit.ru* May 25. Available at: <http://polit.ru/article/2013/05/25/ranking/> (accessed: November 2014, in Russian).
- Sokolov M.** (2013 b) What’s Measured the Rating of Ministry of Education? Statistical Analysis. *Polit.ru* May 24. Available at: http://polit.ru/article/2013/05/24/rossiyskie_reitingy/ (accessed: November 2014, in Russian).
- Sonin A.K., Khovanskaya I.A., Yudkevich M.M.** (2009). Building a Research University: Financing Structure and Conditions of Employment for Professors. Part 1. *Ekonomika obrazovaniya* 3, 69–77 (in Russian).

- Taleb N.N.** (2014). Antifragile. Things that Gain From Disorder. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus (in Russian).
- Varshavsky A.E.** (2010). Problems of Science: Russian Academy of Sciences and Universities. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* 8, 158–161 (in Russian).
- Varshavsky A.E.** (2011). Problems of Science and its Effectiveness. *Voprosy ekonomiki* 1, 151–157 (in Russian).
- Yashina G.A.** (2012). It's Time to Tie With Higher Education. *Kapital strany* June 28. Available at: <http://kapital-rus.ru/lite/larticle/20> (accessed: November 2014, in Russian).

Поступила в редакцию 29 июня 2014 года

Ye.V. Balatsky

Financial University under the Government of the Russian Federation, Central Economic Mathematical Institute RAS, Moscow, Russia

Syndrome of Reforms' Arrhythmia in the Higher Education

The author discusses the process of reforms in the Russian higher education. It is shown that the first phase of reforms has been fraught with omissions of regulator and inflation of educational bubble, which gave rise to the budget crisis in the industry, and demanded radical interventions. At the second stage a regulator, trying to cope with the educational bubble, provoked a collapse of the industry, which is fraught with enormous social costs. The examples of distortion of university environment due to administration errors presented.

Keywords: *higher education, university, reform, education bubble.*

JEL Classification: P210, I280, I230.